

М.А. Положихина

НОВЫЕ УСЛОВИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА ТРУДА

В 2000-х годах Россия вступила в новый период своего развития, связанный с *количественным уменьшением* трудовых ресурсов и *качественным их изменением*.

В 2010 г. общая численность экономически активного населения¹ России оценивалась (с учетом неформальной занятости) в не менее 100 млн. человек. Численность экономически активного населения в формальном секторе в период 1990–2011 гг. колебалась около 75–76 млн. человек. К 2020 г. прогнозируется сокращение общей численности экономически активного населения страны, по разным оценкам, до 90–96 млн. человек, а к 2030 г. – до 80–89 млн. человек. Причина такой негативной динамики – уменьшение (за счет действия демографических факторов) численности населения в трудоспособном возрасте, которое, как ожидается, сократится с 88,4 млн. человек в 2010 г. до 78–80 млн. человек в 2020 г. и до 72–77 млн. человек в 2030 г. [Стратегия-2020., 2012, с. 232; Федеральная служба государственной статистики]. При этом численность мужчин трудоспособного возраста сокращается более высокими темпами, чем женщин.

Вместе с тем за прошедшее 20-летие в России значительно вырос уровень образования занятого населения. Причем в 2000-е годы темпы накопления человеческого капитала в российской экономике превосходили ситуацию 1990-х годов, не говоря уже о последних десятилетиях существования советской системы. К 2010 г.

¹ Экономически активное население = население в трудоспособном возрасте (мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 года) – нетрудоспособное население (заключенные, военнослужащие и т.д.) – экономически неактивное население (домохозяйки, инвалиды и т.д.) + работающее население старше и младше трудоспособного возраста = занятое население + безработные.

почти три четверти российских работников обладали уровнем третичного образования¹. А доля малообразованных работников (с основным общим или начальным образованием и ниже) упала до менее чем 6% (соответственно 4,8 и 0,7%). Фактически можно говорить о почти полном вымывании из российской экономики работников, не пошедших дальше обязательных 9 классов [Капелюшников Р.И., 2012, № 2, с. 55].

Как отмечают исследователи, причина ускоренного роста доли работников с уровнем третичного образования заключается в резко возросшей со второй половины 1990-х годов экономической ценности высшего образования. Если во второй половине 1990-х годов средняя величина «премии» за вузовский диплом в России составляла 30–40%, то в начале 2000-х она стабилизировалась примерно на уровне 60%. Окупаемость вложений в человеческий капитал в России (на уровне 8–10% в год) – пока одна из самых высоких в мире [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 133].

Процесс стремительного повышения экономической ценности человеческого капитала, начавшийся после старта рыночных реформ, в большей или меньшей степени затронул все страны с переходной экономикой. У России скачок в норме отдачи был одним из самых сильных. Кроме того, он растянулся на более длительное время, захватив не только 1990-е, но и начало 2000-х годов. Здесь действовали многие факторы: декомпрессия заработков вследствие дерегулирования оплаты труда; лучшая адаптивность более образованных работников; отраслевые сдвиги в структуре занятости; технологический прогресс. Но главным было то, что в условиях перевода экономики из планового режима в рыночный с определенного момента спрос на высококвалифицированную рабочую силу рос быстрее ее предложения [там же, с. 144].

Основным «мотором» этого процесса, по-видимому, выступала институционально-организационная (и отчасти – технологическая) перестройка экономики, которую невозможно было осуществить без привлечения больших отрядов рабочей силы с высоким образованием и высокой квалификацией. Активный рост спроса носил во многом компенсационный характер и стал реакцией на дисбалансы в структуре занятости, возникшие еще в плановую

¹ Третичному образованию, выделяемому согласно Международной стандартной классификации образования в версии 1997 г. (МСКО-97), в России соответствует среднее профессиональное, высшее и послевузовское образование. Вторичному – среднее школьное и начальное профессиональное образование.

эпоху и усилившиеся в период переходного кризиса. Он внес серьезные коррективы в структуру российской занятости, обеспечив перераспределение рабочей силы от менее квалифицированных к более квалифицированным профессиональным группам. В условиях, когда сегмент рабочих мест по профессиям руководителей, специалистов высшего и среднего уровней квалификации с каждым годом становился все шире, ориентация на повышение уровня образования была вполне рациональной инвестиционной стратегией населения. В результате, с количественной точки зрения человеческий капитал, которым в настоящее время располагает российская экономика, – один из самых значительных в мире. По доле работников с третичным образованием Россия выступает мировым лидером, а с высшим – входит в группу наиболее передовых стран [там же].

Изменения в качественных и количественных характеристиках отечественных трудовых ресурсов в 1990–2000-х годах происходили неравномерно и сопровождались *нарастанием диспропорций*, в том числе территориальных, национальных, возрастных, гендерных и отраслевых.

С 1993 по 2011 г. общая плотность населения России сократилась незначительно – с 8,7 до 8,4 человек на км². Однако *неравномерность размещения населения внутри страны усилилась*. Разрыв в плотности населения между самым густонаселенным регионом (Московской областью) и самым малонаселенным (Чукотским автономным округом), по данным переписи населения 2010 г., составляет более 2 тыс. раз – 154,2 человек на км² и 0,07 человек на км² соответственно [Федеральная служба государственной статистики]. В настоящее время большая часть населения страны концентрируется в Центральном, Северо-Кавказском, Поволжском и Южном федеральном округах, тогда как в Дальневосточном федеральном округе, на севере Сибирского, Уральского и Северо-Западного федеральных округов численность населения сокращается ускоренными темпами. При этом в Центральном и Северо-Западном округах активно развиваются депопуляционные процессы в сельской местности. Кроме того, более высокий уровень рождаемости в национальных образованиях в перспективе может привести к тому, что русские перестанут преобладать в структуре населения России.

Население страны стареет. Численность населения моложе трудоспособного возраста в России сократилась с 36,0 млн. человек в 1989 до 22,8 млн. человек в 2010 г. В перспективе ожидается

дальнейшее ухудшение ситуации. По разным вариантам прогноза Росстата, к 2020 г. численность населения моложе трудоспособного возраста составит 23–28 млн. человек, а к 2030 г. – 18–26 млн. человек. Численность населения старше трудоспособного возраста демонстрирует противоположную динамику: с 1989 по 2010 г. она увеличилась с 27,2 до 30,7 млн. человек. В перспективе предполагается дальнейший рост численности этой категории населения – до 36–37,5 млн. человек к 2020 г. и 37–42 млн. человек к 2030 г. [Федеральная служба государственной статистики].

Образовательную структуру российской рабочей силы отличает сильная *гендерная асимметрия в пользу женщин*. Так, среди мужчин высшее образование (законченное и незаконченное) в настоящее время имеют чуть более 1/4, тогда как среди женщин – около 1/3. Среди занятого населения по доле обладателей высшего образования мужчины отстают от женщин еще сильнее – 31,8% против 40,1%. Объясняется это тем, что у женщин темпы образовательного апгрейдинга в 1990–2000-х годах были намного выше, чем у мужчин. Главным фактором, определяющим данный дисбаланс, является то, что для женщин ценность вузовского диплома существенно больше, чем для мужчин. По разным оценкам, гендерный разрыв получаемых «премий» составляет 1,2–1,5 раза [Капелюшников Р.И., 2012, № 2, с. 55–56]. Причем перевес женщин в уровне образования складывается в условиях действия дополнительной мотивации у мужчин к получению высшего образования в связи с возможностью уклонения от воинской службы. По экспертной оценке, чистый «эффект призыва» оценивается в 2–3% от общей численности студентов вузов [там же, с. 64]. В результате женская рабочая сила в России характеризуется более высоким уровнем человеческого капитала по сравнению с мужской.

Одновременно Россия продолжает занимать одно из лидирующих мест в мире по масштабам *недоиспользования накопленного человеческого капитала*. Не менее 1/3 всех работников с третичным образованием трудятся на рабочих местах, не требующих высокой квалификации. По минимальным оценкам, к тем, чей образовательный потенциал недоиспользуется, можно отнести около 15% работников сферы обслуживания, 20% сельскохозяйственных работников, 40% неквалифицированных рабочих [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 139].

Недоиспользование формально высококвалифицированных работников во многом обусловлено *неодинаковым качеством получаемого образования*. Эксперты отмечают снижение качества

профессиональной подготовки работников в России. Особенно это касается начального профобразования и основной части среднего профобразования, которые испытывают провал уже в исходном качестве обучающихся. В учебные заведения этого типа все больше идут люди, не имеющие мотивации к получению профессиональных навыков. Образование больше используется для социализации, а не для профессиональной карьеры. Отсутствуют также рыночные сигналы о качестве работника определенной квалификации [Россия и мир., 2011].

Дисбаланс между структурой подготавливаемых трудовых кадров и спросом на них. В настоящее время в России численность обучающихся в системе начального профессионального образования неуклонно снижается. Наибольшую же часть (44%) растущей численности выпускников учреждений высшего образования составляют экономисты, юристы и другие специалисты общественно-гуманитарного профиля [Семеко Г.В., 2011, с. 139]. И рейтинг вузов по качеству приема складывается следующий: МГУ им. М.В. Ломоносова, Физтех, МГИМО, медицинские вузы, причем даже региональные [Россия и мир., 2011, с. 254].

При этом, по данным 2008 г., наиболее востребованными в отечественной экономике являются работники здравоохранения и работники обрабатывающих производств по техническим специальностям [Семеко Г.В., 2011, с. 142–143]. С одной стороны, в стране нарастает дефицит квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. По словам Я.И. Кузьмина, «в ближайшие десятилетия России грозят не столько техногенные, сколько “человекогенные” катастрофы в области эксплуатации сложного оборудования... Зато предстоит замечательное развитие сектора услуг» [Россия и мир., 2011, с. 254]. С другой стороны, по ряду направлений, в том числе педагогика, здравоохранение, социальное обслуживание, выпускники не устраиваются работать по полученной специальности. В целом, при переизбытке трудовых кадров по одним специальностям существует их недостаток по другим, т.е. система подготовки кадров не соответствует структуре и потребностям экономики.

Все перечисленные тенденции весьма инерционны и в значительной степени будут сохраняться в средне- и даже долгосрочной перспективе (до двух поколений).

Возможные сценарии развития рынка труда

По мнению экспертов, со стороны предложения трудовых ресурсов картина выглядит достаточно однозначной. При сохранении нынешних показателей охвата молодежи обучением в вузах и ссузах, к середине столетия российская рабочая сила будет как минимум на 80% состоять из обладателей третичного образования, причем на 2/3 – высшего [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 145]. Соответственно, зарегламентированная исполнительская работа и тяжелый физический труд для них неприемлемы, т.е. три четверти населения России так уже работать не будут [Россия и мир..., 2011, с. 255].

В результате в экономике возникнет острый дефицит не-квалифицированной рабочей силы. Ее придется в больших масштабах «импортировать» из-за рубежа, все активнее привлекая мигрантов, либо резко повышать оплату за подобный труд, делая его минимально привлекательным для лиц со сравнительно высоким образованием.

Ситуация на стороне спроса гораздо менее определенная. Пока не ясно, как российские предприятия станут реагировать на дальнейший рост предложения рабочей силы с высоким формальным образованием: не заметят его или начнут создавать новые высококвалифицированные рабочие места, перестраивая свою технологическую и организационную базу. Теоретически возможны оба крайних сценария. Однако наиболее вероятным представляется промежуточный вариант, предполагающий ограниченную адаптацию, когда спрос на дипломированную рабочую силу хотя и будет продолжать расти, но намного медленнее чем в 2000-е годы. В таком случае все большему числу будущих обладателей третичного образования придется «оседать» на низкоквалифицированных рабочих местах, не требующих значительных инвестиций в человеческий капитал. Как следствие, к середине столетия контингент избыточно образованных работников на российском рынке труда может оказаться намного больше, чем сейчас. Еще опаснее, если значительная часть дипломированной рабочей силы будет вообще вытеснена с рынка труда.

Возможно, что российская экономика уже вплотную приблизилась к черте, за которой могут начаться резкое увеличение масштабов недоиспользования высококвалифицированной рабочей силы и падение экономической ценности образования. Это чревато размыванием тех преимуществ, которые в российских условиях дает (пока) накопление человеческого капитала. Очевидно,

что такой вариант развития событий сопряжен не только с огромными потерями в экономической эффективности, но и с непредсказуемыми социальными и политическими последствиями. В итоге вместо высокопродуктивной экономики знаний в России может сформироваться нечто противоположное – не имеющая аналогов и precedентов *экономика невостребованных знаний* (или даже *псевдознаний*), контуры которой пока еще не вполне ясны [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 147]. Какой в результате вариант развития реализуется, во многом зависит от принятых мер государственной политики по целому ряду направлений.

Направления регулирования рынка труда

Внешняя миграция

Считается, что количественные проблемы отечественного рынка труда во многом могут быть решены за счет постоянной и временной иммиграции.

Так, миграционный прирост в период 1992–2010 гг. почти на 60% компенсировал естественную убыль населения и замедлил процесс его старения [Стратегия-2020..., 2012, с. 225]. Значительна роль временной трудовой миграции в экономике страны. Трудовые мигранты занимают «плохие», низкооплачиваемые, с тяжелыми и опасными условиями труда рабочие места. Трудом рабочих-мигрантов создается 8% ВВП России [Рязанцев С.В., Хорие Н., 2011, с. 35].

Согласно официальным данным, количество легальных трудовых мигрантов в России стабильно росло вплоть до 2008 г., достигнув более 2,4 млн. человек. В 2010 г. количество оформленных разрешений на работу сократилось на 17% по отношению к 2009 г. и составило 1,2 млн. [там же, с. 23]. Но значительная часть трудовой миграции происходит в стихийном режиме и на незаконных основаниях. По оценкам, в России работает от 3 до 5 млн. иностранных граждан без оформления соответствующего разрешения [Концепция..., 2012].

Доля легальных иностранных трудовых мигрантов среди населения, занятого на российском рынке труда, остается относительно небольшой – всего 3–4%. Однако, например, в 2009 г. в строительстве она составила 15%, в добыче полезных ископаемых – 4,5, в сфере торговли и бытовых услуг – 3, на транспорте – 2% [Стратегия-2020..., 2012, с. 225].

Иностранная рабочая сила привлекается в Россию более чем из 140 стран. В 2010 г. крупнейшими поставщиками иностранных рабочих были Узбекистан (511,5 тыс. человек), Таджикистан (268,6 тыс.) и Кыргызстан (117,7 тыс.), а также Украина (161,3 тыс.), Китай (186,5 тыс.) и Турция (131 тыс. человек) [Рязанцев С.В., Хорие Н., 2011, с. 23–24]. Причем на российском рынке труда сложилась достаточно четкая специализация трудовых мигрантов из отдельных стран на определенных отраслях занятости, т.е. иностранные трудовые мигранты трудоустраиваются в России по этнотерриториальному принципу.

В перспективе реальными донорами для российского рынка труда являются только страны Центральной Азии. На долю иммигрантов из этого региона уже приходится более 40% общего миграционного прироста на постоянное место жительства и 50% всей численности иностранной рабочей силы [там же, с. 35]. Причем в последние годы в общем миграционном потоке интенсивно растет доля представителей титульных народов центральноазиатских стран (таджиков, узбеков, киргизов, казахов, туркмен).

Несмотря на определенные плюсы, увеличение масштабов такой внешней трудовой миграции приводит к нарастанию негативных эффектов. Увеличение притока хуже владеющих русским языком и менее квалифицированных мигрантов обостряет проблемы адаптации и коммуникации с постоянным русскоговорящим населением.

Рабочие-мигранты живут в плохих условиях, получают гораздо меньшую заработную плату, подвергаются эксплуатации со стороны работодателей, повсеместно нарушаются их трудовые и человеческие права. Фактически можно говорить о формировании сегмента принудительного труда в некоторых отраслях российской экономики. Многие предприятия с использованием труда рабочих-мигрантов представляют собой составную часть сегмента теневой экономики. Из-за демпинга цены на труд часть местных работников теряет стремление и желание искать работу в этой отрасли. А работодатели теряют интерес к модернизации производств, так как имеют возможность снижать издержки производства за счет снижения затрат на рабочую силу.

В результате внешняя миграция способствует консервации высокой доли ручного труда и низкого технического уровня отечественных предприятий. За счет ее не может быть решена проблема обеспечения рынка квалифицированными рабочими. Умений и на-

выков иммигрантов недостаточно для модернизации и, тем более, для инновационного развития экономики России.

Внутренняя миграция

Следует отметить, что в стране практически не используются резервы внутренней трудовой миграции и безработных ни в собственном регионе, ни в соседних территориях. Отмечается крайне низкая территориальная мобильность населения. В 2008 г. в межобластных перемещениях в России участвовали только шесть человек в расчете на 1 тыс. жителей. В США аналогичный показатель составляет 19 человек, в Австралии – 17 [Стратегия-2020..., 2012, с. 227].

Более эффективному использованию отечественных трудовых ресурсов препятствует, прежде всего, нерешенность жилищной проблемы. Негибкость и недостаточность предложения на рынке жилья является, кроме того, ограничивающим фактором повышения уровня рождаемости в России.

Необходимость регулирования рынка трудовых ресурсов вполне осознается как научным сообществом, так и представителями государственных органов. В соответствии с принятыми правовыми актами в 2012 г. должен появиться прогноз баланса трудовых ресурсов России на 2013 г. и плановый период 2014–2015 гг., причем не только в целом по стране, но и в разрезе регионов. В июне 2012 г. утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., а в июле 2012 г. принята новая редакция Закона «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1¹.

Предпринимаемые меры по совершенствованию «правил игры» на рынке трудовых ресурсов оцениваются в целом позитивно. Во всяком случае, принятые документы предусматривают вполне разумные и правильные мероприятия. Весь вопрос в том, насколько взвешены и обоснованы будут реальные действия. Как показывает новейшая история, разрыв между благими пожеланиями и конкретными шагами в России чрезвычайно велик.

В то же время, как представляется, усилия со стороны государства по преодолению дисбалансов в системе подготовки трудовых кадров недостаточны. Предложение о сокращении бюджетных мест в вузах, прозвучавшее со стороны министра образования Д. Ливанова, при сохраняющемся высоком спросе на высшее обра-

¹ Ведомости СНД и ВС РФ. – М., 1992. – № 30. – Ст. 1797.

зование со стороны населения, трудно оценить иначе, как неявное усиление его платности. Более рациональным в сложившихся условиях является изменение структуры приема, в том числе увеличение приема по техническим специальностям при соответствующем сокращении мест по общественно-гуманитарным специальностям. Большого внимания также заслуживают вопросы повышения качества получаемого образования и более активное привлечение частного бизнеса к подготовке кадров. Пока частный бизнес практически самоустранился от этого процесса и не заинтересован как-либо в нем участвовать.

В целом же, по мнению специалистов, ключевым фактором, от которого зависит тот или иной сценарий развития рынка труда в России, является величина совокупных издержек, связанных с созданием «хороших» рабочих мест. В современной российской экономике такие издержки часто остаются запретительно высокими. Создание высококвалифицированных рабочих мест невозможно без значительных инвестиций и тесно связано с технологическими и организационными инновациями. В этом смысле недостаточные темпы создания «хороших» рабочих мест являются обратной стороной низкой инвестиционной и инновационной активности российских предприятий, которая, в свою очередь, выступает прямым результатом неблагоприятного делового климата в стране [Капелюшников Р.И., 2012, № 3, с. 146].

Хотя вопрос о величине издержек на труд в России далеко не однозначен и в значительной степени политизирован, его решение во многом обусловлено способами регулирования заработной платы и доходов населения. А в более общем политэкономическом смысле непосредственно связано с принципами распределения и перераспределения создаваемого прибавочного продукта. И здесь существуют различные точки зрения.

Заработная плата и доходы населения

Одним из тезисов либеральных экономистов является утверждение о том, что доходы населения в России и зарплаты, в частности, растут слишком высокими темпами, опережая рост производительности труда. И дальнейшее проведение такой политики опасно, так как ведет к росту инфляции.

Однако проведенные расчеты показали, что уровень производительности труда 1991 г. был в 2005 г. превышен на 4,7%. Между тем реальная зарплата оставалась ниже предкризисной на 18,2%.

И в последующие годы, и в целом за период трансформации российской экономики производительность труда опережала рост заработной платы.

Не подтверждается также тезис о том, что разрыв в уровнях оплаты труда в России и в развитых странах мира обусловлен отставанием по производительности труда. Так, разница с ФРГ и США в производительности труда по часовой выработке в России в 2010 г. оценивалась, в 2,9–3,2 раза [Производительность труда..., 2012], а среднемесячная зарплата в сопоставимом выражении различалась с теми же странами в 2012 г. – более чем в 5 раз [Средняя зарплата..., 2012]. Если же сравнивать Россию со странами, сопоставимыми с ней по величине ВВП на душу населения, то среднестатистическому россиянину при схожей выработке на человека недоплачивается от 2–2,3 раз (по сравнению с Польшей и Новой Зеландией) до 20–28% (по сравнению с Чехией и Туркменистаном) [Иванов Л., 2011].

Достаточно сомнительно и утверждение о том, что «зарплатная нагрузка» слишком велика для российской экономики. В связи с тем, что легальная часть заработной платы достаточно низка, трудно точно оценить ее соотношение с ВВП. Как считают специалисты, в России только 2/3 зарплаты «белые», а треть – скрытая [там же].

Но, главное в том, что существует огромная дифференциация в уровне заработной платы по отраслям и регионам России, а также между городом и деревней. Поэтому данные о размере средней заработной платы и ее росте не отражают полностью положение с оплатой труда в стране. Существуют отрасли, регионы и рабочие места, о которых можно сказать, что они переоценены. При этом стоимость значительной части рабочей силы (зарботная плата) занижена.

Во многом данная ситуация определяется преобладающей стратегией частного бизнеса по минимизации издержек производства за счет экономии на заработной плате. За счет занижения оплаты труда компенсируется также низкая организационная эффективность производств. Но, давая краткосрочный выигрыш, в долгосрочной перспективе эта политика приводит к деградации рабочей силы и потере мотивации к созидательному труду. В конечном счете недооценка стоимости трудовых ресурсов ведет к стагнации экономики на низком производственно-технологическом уровне.

Рабочая сила в России не может быть дешевой, так как в этом случае не обеспечивается ее воспроизводство. В определенном мере, существующее занижение оплаты рабочей силы в России компенсируется государственными социальными выплатами. Почти 60% домохозяйств получают хотя бы один вид пособия от государства [Стратегия-2020..., 2012, с. 350]. Однако при этом рынок не получает необходимых сигналов для экономии и рационального использования трудовых кадров. Искажается также смысл и направленность государственной социальной политики, растут расходы государственного бюджета. При этом примерно 50% бедных в стране, нуждающихся в социальной поддержке, вообще не имеют доступа к программам помощи [там же, с. 351].

По мнению специалистов, отдельные адресные мероприятия по увеличению пенсий, МРОТ, зарплаты работников бюджетной сферы, несмотря на их необходимость и важность, имеют низкую эффективность в снижении уровня неравенства и, в принципе, не могут решить проблемы бедности, так как не устраняет причин, порождающих это явления. На сегодняшний день воспроизводство неравенства и бедности населения России определяется механизмами распределения и перераспределения ресурсов [Модернизация..., 2012]. Без институциональных преобразований в сфере распределительных отношений проблемы неравенства и бедности не решаются автоматически, даже в условиях высоких темпов экономического роста, а, наоборот, только углубляются. И основной путь корректировки заключается в совершенствовании системы налогообложения.

В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени наиболее важной частью механизма перераспределения доходов признается прогрессивная шкала налогов. Из более чем 200 стран в мире 15 стран не имеют налога на доходы физических лиц (НДФЛ), 30 – имеют плоскую шкалу и более 150 – прогрессивную. Российская система налогообложения является регрессивной, так как она неравенство увеличивает [там же, с. 314].

Отечественными учеными разработаны предложения по перестройке распределительных механизмов и введению прогрессивной шкалы налогов. Они позволяют снизить неравенство (в пределах 7–10 для коэффициента фондов¹), относительную и абсо-

¹ Коэффициент фондов – это соотношение между средними доходами 10% самых бедных и 10% самых богатых слоев населения (первой и десятой децильных групп).

лютную бедность, при увеличении доходов 80% населения, особенно низкодоходных групп (1-го дециля в 2,5 раза), за счет уменьшения темпов роста доходов не более чем у 10% населения. Причем предлагаемое изменение доходов не связано с дополнительной нагрузкой на бюджет и увеличением общей массы доходов, а также затрагивает не более 8–9% общего объема доходов [там же, с. 314, 317].

Однако введение прогрессивного подоходного налога и других мер регулирования рынка труда встречает резкое неприятие «верхней частью среднего класса (работодателями)¹ на уровне идеологии» [Стратегия-2020., 2012, с. 329]. По мнению авторов «Стратегии-2020», с их стороны в случае принятия таких действий возможно активное либо пассивное сопротивление (обход требований трудового законодательства, отток за границу). «Хотя вывод капитала и создание “запасных аэродромов” они уже начали» [там же]. В этой связи хотелось бы заметить, что «верхняя часть среднего класса (работодатели)» во многих развитых странах мира смирилась с прогрессивной шкалой налогообложения по вполне очевидным политическим мотивам. Прогрессивное налогообложение доходов населения – естественный атрибут цивилизованных распределительных отношений. Без него во всех странах Европы масштабы неравенства и бедности были бы сравнимы или превосходили бы российские. Это сформировавшийся оптимальный механизм, поддерживающий социальный мир и политическую стабильность в Европе [Модернизация., 2012]. Представляется, что такие мотивы должны начать действовать и в России. А «идеологические» препятствия регулированию перераспределительных отношений со стороны одной группы населения вряд ли являются достаточным обоснованием для ограничения направлений государственной политики на рынке труда. Скорее, это противоречие, разрешение которого требует компромисса от всех заинтересованных сторон.

При этом следует исходить из того, что, как показали исследования, нормальное неравенство стимулирует экономику, тогда как избыточное неравенство населения снижает темпы экономического роста и роста инвестиций, ухудшает демографическую динамику.

Избыточное неравенство определяется путем выявления определенных функциональных границ или пороговых уровней доходов, переход через которые необходим для того, чтобы раз-

¹ Честнее и точнее – частью российской элиты.

личные виды экономического, социального и демографического поведения населения были полноценно осуществимыми. Ниже этих границ неравенство признается нормальным, выше – избыточным. При снижении избыточного неравенства на 1% темп экономического роста повышается примерно на 5% (0,33 процентного пункта), а темп роста инвестиций повышается на 6,2% (0,67 процентного пункта). А снижение избыточного неравенства на величину 0,1 повышает коэффициент рождаемости примерно на 2 пункта и понижает коэффициент смертности примерно на 3 пункта [Модернизация..., 2012, с. 308].

Совместный анализ значений функциональных границ по экономическому росту и демографической динамике и соотношений доходов по децильным группам населения показал, что величины границы, отделяющей нормальное неравенство от избыточного, в 2–2,5 раза превосходят прожиточный минимум и составляют 60–70% среднедушевого дохода в России. Доходы более 60% населения лежат ниже данной границы, что не позволяет им эффективно реализовывать себя в экономике и накладывает ограничения на здоровье и репродуктивное поведение. Оптимальным, как в экономическом, так и в общестратегическом (в том числе, геополитическом) плане для России является неравенство в пределах значений 7–9 для коэффициента фондов [там же, с. 303].

Очевидно, что создание перераспределительного механизма, который мог бы обеспечить сокращение неравенства, является одной из основных функций государства. А без этого механизма и без преодоления избыточного неравенства невозможно ни смягчить действие отрицательных факторов на отечественном рынке труда, ни эффективно использовать имеющиеся благоприятные предпосылки для его развития.

Литература

1. Вардоль Н. Новые ниши // Профиль. – М., 2012. – № 8. – С. 26–27.
2. Зайончковская Ж.А., Флоринская Ю.Ф., Тюрюканова Е.В. Трудовая миграция в Россию: Как двигаться дальше // Миграционный барометр в Российской Федерации. Серия специальных докладов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 100 с.
3. Иванов Л. Зарплата в России в 2 раза ниже нормы // Свободная пресса. Экономика. – 2011. – Режим доступа: <http://www.svpressa.ru/economy/article/35820>

4. Капелюшников Р.И. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 2. – С. 52–66; № 3. – С. 120–147.
5. Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. // Президент России. Документы. – М., 2012. – Режим доступа: <http://президент.рф/acts/15635>
6. Куликова С.Н. Миграционные процессы в России в условиях кризиса: Реферативный обзор // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2010. – № 1: Россия в условиях мирового экономического кризиса / Ред.-сост. вып. Б.Г. Ивановский – С. 141–157.
7. Модернизация России: Проблемы и пути их решения / Нигматуллин Р.И., Чувев А.В., Абрамов М.Д. и др.; Экспертно-аналит. центр по модернизации и технол. развитию экономики (ЭАЦ «Модернизация»). – М., 2012. – 514 с.
8. Производительность труда в 2010 г. // Вести. Экономика. Инфографика. Россия в цифрах. – 06.03.2012. – Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/infographics/687>
9. Россия и мир: В поисках инновационной стратегии: Гайдаровский форум-2011: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 16–19 марта 2011 г. / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ и др. – М.: Дело, 2011. – 447.
10. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: экономико-социологическое исследование / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. и др. – М.: Науч. мир, 2011. – 189 с.
11. Самедова Е. Неравный бой // Профиль. – М., 2012. – № 1. – С. 30–32.
12. Семеко Г.В. Профессиональное образование и рынок труда в России: Проблемы взаимодействия // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2011. – № 2: Социальные факторы экономического роста / Ред.-сост. вып. С.С. Костяев. – С. 125–155.
13. Средняя зарплата в России и других странах мира в 2012 г. // Деловая жизнь. Работа. – 2012. – Режим доступа: <http://www.bs-life.ru/rabota/zarplata/zarplata-v-mire2012.html>
14. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с.
15. Федеральная служба государственной статистики. Российская Федерация. Население. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wps/wsw/connect/rosstat/rosstatsite/main/population>